

УДК 159.9

Психотехник Н.В. Петровский: открывая заново

Стоюхина Наталья Юрьевна

Кандидат психологических наук, доцент,
кафедра психологии управления,

Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского,
603000, Российская Федерация, Нижний Новгород, просп. Гагарина, д. 23;
e-mail: natast0@rambler.ru

Аннотация

В работе представлено историко-биографическое исследование ученика московской школы Г.И. Челпанова – психотехника 1920-1930-х гг. Н.В. Петровского. Родившись в семье священника Рязанской губернии, после окончания семинарии, он поступил в Московский университет на историко-филологический факультет, окончив его в 1915 г. Как и его учитель, он блестяще владел методом эксперимента, поэтому его работы по профессиональному отбору известны в 1920-1930-е гг. до сих пор читаются с большим интересом. Кратко обозначим основные направления его деятельности и этапы его творчества: научные исследования по психологии восприятия в Московском университете под руководством Челпанова; педагогическая деятельность в Нижегородском университете (вместе со своими однокурсниками А.Ф. Лосевым и П.С. Поповым); психотехническая работа в лаборатории Московского коммунального хозяйства, где он внес большой вклад в разработку вопросов профотбора. Был арестован осенью 1930 г. и осужден по статье 58-11 как участник церковно-политического центра Всесоюзной контрреволюционной монархической организации церковников «Истинно-православная церковь» и один из инициаторов создания этой организации. Неизвестно, вышел ли Н.В. Петровский из лагеря (Свирьлаг), где и когда закончилась его жизнь.

Для цитирования в научных исследованиях

Стоюхина Н.Ю. Психотехник Н.В. Петровский: открывая заново // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2015. № 6. С. 86-111.

Ключевые слова

Психология, психотехника, психотехническая лаборатория Московского коммунального хозяйства, профотбор, борьба с аварийностью на дороге.

Введение

Изучение истории психологии как системного образования, включающего множество аспектов, иерархическую структуру, сложную, разноуровневую систему детерминант, предполагает привлечение системной методологии, где предметом истории психологии является динамика психологического познания в его целостности, включая изучение следующих аспектов: логико-научного, процессуального, социокультурного и персонально-личностного.

В последнем случае изучается носитель, субъект психологического познания (коллективного и индивидуального) [Кольцова, 2008, 25], и современная российская история психологии определенные шаги для того, чтобы вновь открыть имена забытых психологов, но все же, она по-прежнему сосредоточена на судьбах известных ученых, на тех, кто вышел вперед, тем самым, бессознательно деля всех ученых на «первых» и «остальных», тех, которые обозначаются как «и др.».

Мы даже не замечаем, что, уделяя много времени одним, абсолютно игнорируем вторых. Так происходит оттого, что мы либо вообще ничего не знаем об этих «не первых» психологах, либо, по словам В. Шляпенштоха [Шляпенштох, 2007, www], имена их снабжены своеобразным индикатором умолчания, когда определенный фрагмент биографии ученого замалчивается (например, читая словарную статью об В.М. Экземплярском, мы не узнаем, что он был репрессирован).

Если говорить о психологах, занимавшихся психотехнической деятельностью в 1920-1930-х гг. в СССР, то приходится признать, что это малоизученная территория. Самые известные психотехники – лидеры движения И.Н. Шпиль-

рейн и С.Г. Геллерштейн, есть материалы о Н.И. Дьякове, С.М. Василейском, К.К. Платонове, Д.И. Рейтынбарге, некоторых других. В данной статье мы немного расскажем о Николае Васильевиче Петровском, чья судьба и немногие найденные нами труды достойны памяти.

Ранние годы Н.В. Петровского, учеба в Московском университете

В документах, хранящихся в архиве Рязанской области, указывается, что Николай Васильевич родился 11 февраля (30 января) 1890 г. в селе Раменки Рязанской губернии Егорьевского уезда в семье священника. Семья Петровских была большой: семеро детей, Николай Васильевич – третий ребенок. Было еще пять девочек (Нина, Елизавета, Мария, Капитолина, Вера) и брат Иоанн.

В десятилетнем возрасте Николай поступил в Зарайское духовное училище, затем в Рязанскую духовную семинарию (1904 г.), которую окончил весной 1910 г., и, как все выпускники семинарий, желавшие поступить в университеты, выдержал одновременно с выпускными экзаменами в семинарии дополнительные экзамены в Рязанской первой мужской гимназии.

Осенью 1910 г. Николай Васильевич поступил в Московский университет на историко-филологический факультет. Выбрав своей специальностью философию и психологию, он принимал активное участие в практических занятиях у профессоров Л.М. Лопатина и Г.И. Челпанова.

С 1911 г. состоял членом Психологического института при Московском университете, участвуя в теоретической и экспериментальной разработке психологических проблем и в течение двух лет вел самостоятельную экспериментальную работу по психологии эмоций и волевых процессов, будучи еще студентом.

Сохранились сведения о первых докладах Петровского, прочитанных в знаменитых семинариях Г.И. Челпанова, – «Единство сознания по Гартману» и результаты его экспериментальной работы 1914-1915 гг. – «Сфимографические и пнеймографические симптомы реакций» [Рубцов, Червяков, 1994, 8].

О личной жизни Николая Васильевича известно только, что в мае 1914 г. он просил разрешения на вступление в брак, и, вероятно, женился. В начале 1915 г. Н.В. Петровский окончил университет; результатом его философских

изысканий стала дипломная работа на тему «Критика современной функциональной психологии» (1914 г.), премированная золотой медалью историко-психологического факультета Московского университета.

В том же году весной он выдержал государственные испытания, получив диплом первой степени. Сдав дополнительные экзамены по педагогическим предметам, он был оставлен Г.И. Челпановым при университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре философии и психологии, и уже осенью Петровский представил предварительно обработанные материалы экспериментальной работы; с этого времени Николай Васильевич стал стипендиатом Московского университета.

Разбор учения Аристотеля о познании и концепция «формальной логики» Канта были представлены им для магистерских экзаменов, «Учение Аристотеля о душе» и «Учение Липпса о вчувствовании» – для экзамена по психологии, «Учение Аристотеля о форме и материи» и «Учение Гегеля о бытии» – для экзамена по истории философии, «Этика Никомаха» Аристотеля – в качестве результата изучения греческих авторов. Даже выполнив программу магистерских экзаменов, Петровский продолжал участвовать в практических занятиях по философии у Л.М. Лопатина и по психологии – у Г.И. Челпанова, работая в Психологическом институте лаборантом.

Самостоятельно разработанными были вопросы, представленные в отчетах об учении Гербарта о течении представлений, учении Вундта об апперцепции, учении Лотце о душе и понятии вчувствования по Липпсу.

Критика взглядов ученых высказывалась Н.В. Петровским в связи с их философской и психологической концепциями и с учетом основных направлений современной психологии в статьях по философии «Учение Аристотеля о сознании», «Трансцендентальная эстетика Канта» (критиковал основные предпосылки критицизма и учение Канта о пространстве и времени), «Теория причинности у Юма», «Учение Декарта о субстанции», «Понятие субстанции у Спинозы».

Одновременно с научной деятельностью, с осени 1915 г. он преподавал философские предметы в московских гимназиях (так зарабатывали почти все студенты в то время), в вечерне-воскресных классах для рабочих мытищинских заводов, в народном Богородском университете «Труд и наука» [Стоюхина, Выдающиеся

Н.В. Петровский. 1915 г. Фото из Центрального государственного архива г. Москвы (ЦГАМ). Публикуется впервые

психологи и педагоги..., 2013]. 28 июля 1916 г. Николай Васильевич получил диплом об окончании Московского Императорского университета I степени.

Серьезное научно-литературное творчество Петровского началось с нескольких рецензий в издаваемом под редакцией Г.И. Челпанова и Г.Г. Шпета журнале «Психологическое обозрение». Внимание Николая Васильевича привлек философ и психолог Теодор Липпс, в книге которого («Zur Einfühlung») подвергается анализу все возможные случаи вчувствования и на основе общепсихологических взглядов дается оригинальное и интересное решение вопроса о природе этого явления [Петровский, 1918]

По Липпсу выходило, что вчувствование – субъективный акт, когда то, что принадлежит «мне представляется для меня лежащем в воспринимаемом предмете» [Там же, 585]. После подробного разбора книги, являющейся «ценным приобретением для психологии», Н.В. Петровский подытоживает: вчувствование у Липпса рассматривается в сознании взрослого, с его сформировавши-

мися сложными и бессознательными процессами; саму проблему вчувствования следует изучить в генезисе для прояснения роли инстинкта и ассоциации. «Липпс слишком расширяет понятие вчувствования, благодаря чему слой субъективных моментов, окутывающий вещи, оказывается слишком плотным, чтобы мы могли достичь требования самих вещей» [Там же, 586].

Из отечественных философов, затрагивающих в своих работах проблему вчувствования при изучении психологии искусства, Николая Васильевича интересует И. Лапшин, на чью работу «О перевоплощаемости в художественном творчестве» он также пишет рецензию, высоко оценивая значение книги для психологии [Там же].

И. Лапшин анализировал процесс перевоплощения художника, описывающего внутренний мир личности «часто с непосредственно чувствуемой и поражающей правдивостью»; эмпирическое исследование художественного творчества затрудняло несовершенство метода, называемого Лапшиным «методом согласия», то есть посредством изучения дневников, биографии и автобиографий.

Петровский отметил, что «постройкой чувств и воображений» Лапшин называл процесс «воссоздания чужого Я», сообразный «с телесными проявлениями окружающих нас индивидов», где важную роль играют множество факторов: «объективированный типический образ фантазии, ... целостное впечатление, тесно связанное с этим образом ... эстетические вчувствования, переживаемые художником и относимые к создаваемому предмету, ... личные чувства художника к изображаемому, объективированному типу и его судьбе» [Петровский, Лапшин И. О перевоплощаемости..., 1918, 608].

Начало профессиональной психологической деятельности

После октября 1917 г. для людей интеллектуального труда, а значит, и для преподавателей университетов, наступили трудные времена. Университеты не работали, а если не было работы, значит, негде было получить продуктовые карточки.

Но именно в это же время новая власть принимает решение открыть в областных городах страны новые университеты. Нижегородский государственный университет (НГУ), начавший работу весной 1918 г., страдал от нехватки

ученых кадров, особенно по гуманитарным дисциплинам, поэтому руководство активно приглашало преподавателей из Москвы и Петрограда.

По мере наполнения факультетов профессорами, в том числе и приезжими, увеличивалось количество учебных курсов, расписание все больше походило на расписание столичных университетов дореволюционной поры. Преподавателями на кафедре философии и психологии историко-филологического факультета, открытого 8 ноября 1918 г., были приглашены из Москвы ученики Г.И. Челпанова – Алексей Федорович Лосев, Николай Васильевич Петровский и Павел Сергеевич Попов [Стоюхина, 2009; Стоюхина, Выдающиеся психологи и педагоги..., 2013].

Как только Петровский появился в Нижегородском университете – 28 апреля 1919 г. – он был рекомендован в качестве преподавателя психологии и экспериментальной психологии. Задачей практических занятий (просеминарий) по экспериментальной психологии было «практическое ознакомление с главными методами экспериментальных психологических исследований, наиболее важными из приборов, применяемых в этих исследованиях, и техникой психологического эксперимента» [Стоюхина, Выдающиеся психологи и педагоги..., 2013, 248].

В сохранившихся учебных программах по психологии, написанных Н.В. Петровским [Там же, 248-254], видно большое влияние его учителя Г.И. Челпанова.

Челпанов, ученый-эмпирик, обосновывал идеи о реальности, автономности и специфичности внутреннего психического мира человека, его несводимости ни к каким другим явлениям, писал о бесплодности физиологических методов для его изучения; в соответствии с идеями Вундта считал предметом психологии субъективные состояния сознания человека, что составляло качественное отличие психологии от физиологии головного мозга.

Это стало важнейшей предпосылкой создания психологии как самостоятельной науки. Соответственно, главным методом исследования психических явлений, «внутреннего опыта» субъекта могла быть только интроспекция, являясь условием психологического познания других людей. В своих программах по общей и экспериментальной психологии Н.В. Петровский вслед за своим учителем утверждал, что только сам человек, непосредственно пережив те или иные психические явления, может посредством обращения к своим состояниям и испытанным им чувствам воспринять аналогичные переживания у друго-

го человека, адекватно интерпретировать их и понять, что характеризуется им как процесс умозаключения, а не непосредственного наблюдения.

Метод самонаблюдения выделялся основным в психологии. В то же время Н.В. Петровский (как и Г.И. Челпанов) большое значение придавал экспериментальному методу, но в вундтовском понимании, то есть, лишь как условие улучшения интроспекции [Мазилев, 1998, 176].

Николай Васильевич много ездил в командировки в Москву, пытаясь решать проблемы молодого университета в создании факультетской библиотеки, в приобретении приборов для психологической лаборатории. 24 октября 1919 г. Н.В. Петровский занял должность декана историко-филологического факультета НГУ, а А.Ф. Лосев – его заместителя.

Сразу же усилиями Петровского кафедру психологии с биологического факультета перевели на историко-филологический; но молодой декан строит амбициозные планы: ему казалось, что традиционное сочетание расширившихся психологических и философских наук на кафедре философии стесняет обе дисциплины, поэтому необходимо открыть отдельную кафедру психологии для подготовки специалистов-психологов при историко-филологическом факультете.

Также, по его мнению, нужно открыть новую кафедру – педагогики и при ней – педагогический кабинет, что требовалось для нужд страны: учителя требовались в большом количестве как для борьбы с неграмотностью населения, так и для школ, подвергнувшихся реформе в 1919 г.

В нижегородском университете Петровский получил звание профессора по кафедре психологии и логики, пройдя конкурс в ноябре 1920 г. по рекомендации Г.И. Челпанова. Вскоре, в декабре он едет в командировку на месяц в Московский психологический институт, чтобы «ознакомиться с постановкой практикума по индивидуальной психологии и семинария по психологии труда, впервые введенных в текущем году и имеющих в этом отношении большую научную важность» [Стоюхина, Выдающиеся психологи и педагоги..., 2013, 142]; так он озвучил свой интерес всей дальнейшей жизни – психотехнику (психологии труда).

В марте 1921 г. Декретом Совета народных комиссаров историко-филологические факультеты в университетах страны были упразднены и реорганизованы в факультеты общественных наук (ФОН): стране нужны были те, кто

мог непосредственно участвовать в строительстве новой жизни – инженеры, строители, механики, экономисты. Историки и филологи, выучившиеся по программе императорских университетов, были не нужны. Последней командировкой профессора Петровского стала поездка в Москву в Госпиталь ребенка для психологического исследования умственно отсталых детей.

Имущество историко-филологического факультета, бережно собранных приборов для психологического кабинета и книг в библиотеку, была решена: кабинет передали на биологический факультет, а библиотека – в общеуниверситетскую. Летом все преподаватели разъехались на каникулы, и А.Ф. Лосев, Н.В. Петровский и П.С. Попов не вернулись в НГУ, так как работы для них не было. Увольнение их произошло обыденно, приказом.

Молодые ученые нашли работу в Москве, причем их научные интересы довольно скоро стали оформляться в соответствии с их увлеченностями: психология, философия, логика. Дружеская связь не прерывалась: они продолжают встречаться на философских вечерах, хотя работали в разных местах. Впереди было десятилетие, насыщенное научными исканиями, спорами с единомышленниками, пропитанное особой атмосферой 1920-х гг., «когда люди не только мыслили, но и чувствовали в категориях историзма» [Гинзбург, 2002, 445].

О дальнейшей судьбе Николая Васильевича Петровского нам расскажут его немногие сохранившиеся публикации. 10-15 января 1923 г. в Москве прошел Первый Всероссийский съезд по психоневрологии, объединивший психологов, физиологов, невропатологов, психиатров, педологов и криминалистов [Стоюхина, Мазилев, 2013]. Ввиду трудностей организационного порядка не все желающие смогли приехать, поэтому Москва была представлена большинством докладов.

По мнению известного ученого-психолога П.О. Эфрусси, «съезд отчетливо выявил основные направления и тенденции, новые течения и пути к дальнейшему росту как теоретической, так и прикладной психологии» [Эфрусси, 1923, 6], в докладах сотрудников Московского психологического института она отметила «отчетливую постановку проблемы, полное знание тонкостей методики, соответствующей уровню современной экспериментальной психологии, глубокое знакомство с литературой, стремление достигнуть при обработке результатов возможной в этой области меры точности» [Там же, 19].

Среди выступавших учеников Г.И. Челпанова и его самого, чьи доклады несли «печать прекрасной школы», П.О. Эфрусси специально упомянула выступление Н.В. Петровского «Психологическая природа сознания реальности», показавшего «как с помощью углубленного анализа современная психология все с большей точностью восстанавливает в описании полноту непосредственных переживаний и тем самым освобождается от чрезмерного интеллектуализма» [Там же, 17].

В докладе говорилось о таких проявлениях изменения в сознании, как галлюцинации, бредовые состояния, детская игра и ложь, ложь в свидетельских показаниях и др., требующие чисто психологического исследования, т.е. изучения восприятия и репродукции, где открываются как различие в наглядных признаках между ними, так и «существенные различия в формальных особенностях, в характере связи и последовательного протекания процессов обоего рода». Изучение процесса восприятия в развитии, патологические явления и экспериментальные данные показывают особое отношение субъекта к представляемым предметам, «генетической основой которого является специфический эмоционально-волевой опыт», основу которого образуют эмоционально-волевые реакции, эмоционально-волевые отношения к «чувственной данности», они и вызывают нарушения в обнаружениях сознания реальности [Первый Всероссийский съезд..., 1923, 263].

На Втором съезде по педологии, экспериментальной педагогике и психоневрологии (Петроград, 3-10 января 1924 г.) [Стоюхина, Мазилев, 2014] Петровский представил доклады «Принцип ассоциаций в психологии» и «Экспериментальное исследование процессов восприятия».

Н.В. Петровский – психотехник

Следующее десятилетие – 1920-е гг. – Николай Васильевич посвятил вопросам психотехники, нового и активно развивающегося направления в психологии; его работы были известны современникам.

Начал он с необычной по содержанию книги «Опыт исследования умственной одаренности взрослых в Америке». В первых строках автор отметил, что «рассматриваемая проблема чисто психологическая, она требует изуче-

ния чисто психических функций, и лишь впоследствии результаты его могут быть представлены с параллельными данными антропологии, физиологии или справками социологического порядка» [Петровский, 1925, 11]. Изучать это явление можно только единым методом, обуславливающим возможность сравнительной оценки работоспособности «огромной массы людей» в одинаковых условиях, что и сделали американские психологи в 1917-1918 гг., впервые в истории создав психологическую службу в армии как особый вид военно-организационной и технической работы [Там же, 18].

Более 1,7 миллиона человек в армии США прошли тестирование, проведенное огромным количеством психологов под руководством Р. Йеркса (больше 120 руководителей и 350 других лиц, более 500 человек занимались счетной и статистической работой), они оценивали результаты каждого и предлагали подходящее воинское назначение. Небывалое по масштабу исследование было оценено Н.В. Петровским, описавшем пример американский коллег как убедительную демонстрацией научно-психологической мощи объединенных и сконцентрированных на одной научной проблеме усилий ученых страны, поддерживаемых заинтересованными в их работе властью и обществом; в то же время он предупредил об осторожном отношении в выводах применительно к отдельным лицам, и главным условием научной и практической ценности исследования Николай Васильевич подчеркнул важность наличия психологического образования у психологов-экспериментаторов. Н.В. Петровский познакомил советских специалистов с опытом американских психологов, об организации и воплощении проекта, о взаимодействии психологов и государства.

СССР принимал участие в мировых спортивных мероприятиях, одним из таких был Международный шахматный турнир в Москве (ноябрь-декабрь 1925 г.), проходивший с участием мировой шахматной элиты – Х.Р. Капабланки, Э. Ласкера, Р. Рети, А.К. Рубинштейна, Е.Д. Боголюбова, других известных гроссмейстеров и ведущих советских шахматистов.

Профессора П.А. Рудик, И.Н. Дьяков и Н.В. Петровский (все вместе учились в Психологическом институте, ученики Г.И. Челпанова), будучи сотрудниками психотехнической лаборатории Государственного центрального института физической культуры, пользуясь уникальным случаем, провели обширные

психотехнические исследования участников турнира, описав их результаты в книге «Психология шахматной игры на основе психотехнических испытаний участников Международного шахматного турнира в Москве в 1925 г.» [Стоюхина, Психолог И.Н. Дьяков..., 2013].

Почти все знаменитые участники, приехавшие из Западной Европы и Америки, согласились сотрудничать с учеными. Своей задачей ученые-психотехники ставили вскрытие своеобразия психических процессов, обуславливающих успех в шахматной игре и отличающих шахматных мастеров от не-шахматистов методами точного психологического эксперимента. Это было важно, потому что в СССР, где в шахматная игра завоевывала все большую популярность среди народа, ждали ответа на вопрос о том, *какие психические функции культивируются шахматной игрой*. Сотрудники лаборатории выезжали со всеми необходимыми принадлежностями в гостиницу к участникам турнира для их тестирования и экспериментов с применением аппаратов – хроноскопа, мнемометра, тахистоскопа, эпидиаскопа и др.

Исследованию подвергались память, внимание, высшие интеллектуальные процессы, воображение, интеллект и эмоционально-волевые процессы, т.е. все существенные стороны психической работы шахматиста, «дабы охватить по возможности весь круг вопросов, интересующих в шахматной игре психолога и даже просто культурного наблюдателя» [Дьяков, Петровский, Рудик, 1926, 52].

Для обеспечения строгих экспериментальных условий обширное исследование организационно разбили на три крупных фрагмента, курируемых каждым ученым в отдельности, так Н.В. Петровский руководил частью тестовых испытаний, П.А. Рудик – изучением скорости интеллектуальных процессов и памяти посредством эксперимента, И.Н. Дьяков – испытаниями внимания и воображения также через эксперимент.

Ученые заметили необычайное разнообразие психических функций, реализующихся в шахматной игре и проявляющиеся в синтезе. Именно в шахматах воспроизводится «наиболее существенное жизненное явление – борьба», представленная как суть жизненного процесса – столкновение противоречий. Шахматная борьба сходна с действительной борьбой, это «состязание двух, не зависимых друг от друга, враждующих волей», где «мысль доходит до сверхъе-

стественного напряжения, далеко превосходящего границы нормального и допустимого». Душевная катастрофа, дезорганизация и разрушение интеллекта может постичь шахматиста [Там же, 117].

Авторы считали, что составленная ими «психограмма шахматиста» говорит о необходимости дисциплинированной воли, необходимости умелого расчета своих сил, предостерегая от «перенасильвания мысли». До сих пор актуален перечень профессионально важных качеств шахматиста, отраженных в психограмме, размышления, какие из этих качеств – врожденные и какие – натренированные, развивающиеся в течение жизни, какие из них имеют узкое значение для шахмат, а какие можно рассматривать как общие и т.д.

Эта работа по изучению психологии шахматистов до сих пор имеет огромную ценность, достаточно посмотреть частоту посещений сайта, где размещены эти материалы в Интернете.

В 1928 г. у Николая Васильевича вышла еще одна работа с результатами исследований по дифференциальной психологии, в основе которых лежало изучение сотрудниками психотехнического кабинета профконсультации при Институте профзаболеваний им. В.А. Обуха моторной одаренности у подростков, поступивших в школы ФЗУ, что было одним из первых случаев большого экспериментального опыта по исследованию моторных функций.

Интересно оно уже тем, что могло дать «ответ на первые и основные методологические вопросы касательно применения эксперимента в области моторных явлений – характере индивидуальных различий, о различиях, обусловленных с возрастом, полом, умственным развитием» [Петровский, 1928, 139].

Оно позволяло представить предварительную характеристику моторного развития исследованных групп подростков, поступающих в ФЗУ, наметив для них типические средние величины и нормы, которые могли бы служить ориентировкой в дальнейших исследованиях тех же групп. Н.В. Петровский указал, что экспериментальное исследование моторных проявлений – задача, только подлежащая разрешению, так как еще не выработаны методы изучения, но вопрос о роли моторных функций в общем развитии человека, в его интеллекте, имеет большое значение: «моторные явления представляют конститутивный момент в большинстве психических проявлений личности» [Там же, 138].

Изучение различных сторон моторной области могло служить ключом для изучения рабочих движений, давало возможность делать оценку их соответствия профессиональным требованиям, регулировать производственную работу соответственно законам и нормам человеческой деятельности.

Испытания моторного развития подростков были разделены на исследование:

- силы возможного мышечного напряжения;
- скорости темпа простейших движений (постукивание);
- точности попадания.

Н.В. Петровский сделал следующие выводы:

– сравнительно простые, доступные для массового применения приемы дают достаточно дифференцированное распределение испытуемых по характеру их моторной работы;

– моторная деятельность представляет собою специфические жизненные проявления, успешность которых не обнаруживает высокой корреляции с развитием других, что позволяет говорить о моторном развитии, как особом направлении в развитии личности и особой области научного исследования.

Он предположил, что к 14-17 годам в основном заканчивается биологический процесс нервно-мышечного развития, обеспечивающий моторную деятельность человека и характерные черты индивидуальной работы; нельзя забывать о роли тренировки и приспособления к специальным видам работ. Автор обнаружил «связь между успехом моторной деятельности и общим умственным развитием, равно как и особенностями психической работы, обусловленными школьным развитием» [Там же, 158].

Работа в психотехнической лаборатории Московского коммунального хозяйства (МКХ) вскоре предоставила возможность Н.В. Петровскому и И.Н. Дьякову провести интересное и масштабное исследование шоферов, вагоновожатых, контролеров и учеников школ МКХ, продолжавшееся в течение трех лет [Стоюхина, Выдающиеся психологи и педагоги..., 2013; Стоюхина, Психотехнические исследования..., 2015].

Результат деятельности лаборатории – составление профессиограмм с профессионально важными свойствами работника – был практически важным, как

ответ на запрос заинтересованных организаций, и был опубликован в отдельной книге «Психотехника в коммунальном деле и местном транспорте. Психотехнические испытания шоферов, вагоновожатых, контролеров, кондукторов и учеников школ местного транспорта» [Дьяков, Петровский, 1928].

Приученные еще в Психологическом институте к строгим методическим требованиям в научных исследованиях, ученые подробно осветили существующие в мировой и отечественной психотехнике методы выработки профессиограмм и дали им оценку. Полностью признавая авторитет Г. Мюнстерберга в теоретических и практических вопросах психотехники, тем не менее, И.Н. Дьяков и Н.В. Петровский скептически отнеслись к популярному среди отечественных психотехников анкетному листу О. Липмана, критически отозвались о недавно заявленном трудовом методе И.Н. Шпильрейна и о методе условных рефлексов.

Все эти обоснованные замечания в адрес самых признанных в то время психотехнических методов говорили скорее о блестящей подготовке авторов, об их четком методологическом взгляде на предмет исследования, о знании эксперимента как научного метода и умении его поставить, в конце концов, об огромной ответственности ученого – все это было присуще ученикам школы Г.И. Челпанова.

И.Н. Дьяков и Н.В. Петровский отстаивали важность сложного эксперимента как основу психотехнических исследований, где раскрывается индивидуальность человека в его неповторимой оригинальности и сложности в условиях его общественно-производственной деятельности, а сама психотехника именно в нем становится индустриализированной наукой. Стремясь уйти от субъективности в исследованиях, используя для этого «аппарат и число», психотехника приходит к своей сути – науки, «идущей путями исключительно только *технического* измерения психических процессов посредством точнейших аппаратов, исключающих возможность какого бы то ни было субъективного толкования, субъективной оценки, влияния привходящих случайностей» [Там же, 12].

Ученые подробно проработали методическую сторону составления профессиограмм шоферов, вагоновожатых и кондукторов трамваев и автобусов различной психотехнической квалификации, стараясь учесть массу психофизиологических моментов, избегая ограниченности, стараясь использовать все возможности, могущие привести к желаемому результату: опрос ведущих специалистов-практиков;

анализ действующих правил приема на работу; анализ анкеты, специально разработанной лабораторией; наработанный опыт западных психотехников; результаты предварительного психотехнического испытания групп лучших и худших старых сотрудников; непосредственное изучение условий труда работников.

В итоге длительного исследования, продолжавшегося три года, основанного на методологических принципах комплексности, адекватности, максимума и минимума в психограмме, надежности и принципа производственного оформления, авторы создали ряд профессиограмм для шоферов, вагоновожатых и кондукторов трамваев и автобусов различной психотехнической квалификации. Методические и методологические уровни программы данного исследования в некоторых ее частях во многом напоминает ту колоссальную работу американских психологов по определению умственных способностей служащих в американской армии, о чем ранее писал Н.В. Петровский.

После публикации книги появилась статья руководителя Всероссийского общества психотехники и прикладной психофизиологии (ВОПиПП), организатора научной работы в области психологии труда в СССР И.Н. Шпильрейна, наполненная множеством встречных вопросов и замечаний. И.Н. Дьяков и Н.В. Петровский последовательно, в 17 пунктах, ответили на все нападки Шпильрейна. Недолгое время после всех этих публикаций лаборатория МКХ спокойно работала, но вскоре руководство ВОПиПП обратило на нее пристальное внимание и уже не выпускало из виду [Стоюхина, 2010; Стоюхина, Психолог И.Н. Дьяков..., 2013; Стоюхина, Александр Петрович Нечаев..., 2015].

По принятым в то время правилам, в июле 1929 г. Психотехническая лаборатория МКХ вызвала на социалистическое соревнование своих коллег – Центральную лабораторию по профзаболеваниям на транспорте, лабораторию института им. Обуха и лабораторию Института охраны труда; предметом соревнования было объявлено достижение количественных и качественных показателей в области методики и практических результатов психотехнических экспериментов, о чем напечатали в газете «Вечерняя Москва». Подобными объявлениями пестрели газеты, но данная публикация вызвала неожиданный отклик со стороны сотрудников психотехнической лаборатории Института охраны труда (руководитель – И.Н. Шпильрейн), которые, соглашаясь всту-

пить в соревнование, однако, «решительно осуждали нетерпимое опошление и извращение идеи соревнования. Подобного рода платные объявления-вызовы способны превратить великий творческий подход масс в худший тип вредной капиталистической конкуренции» [Шпильрейн, 1930].

Газета «Труд», присоединившись к обличению и порицанию психотехников из лаборатории МКХ, опубликовала небольшую заметку с грозным заголовком «Не опошляйте великой идеи», между прочим, напомнив, что те уже потратили на публикацию своего призыва 120 рублей (если все начнут публиковать вызовы, это приведет к «совершенно ненужным огромным расходам»), к тому же, сам факт публикации может придать идее соревнования «вредный характер рекламы».

Тем временем, продолжая психотехническую деятельность, в 1929 г. Петровский написал свою последнюю книгу «Выбор профессии и одаренность. Популярный очерк с приложением примерных тестов», где рассказал о роли науки в трудовой деятельности человека, в помощи выбора профессии: «Наука преследует важную цель – обеспечить правильное распределение рабочих сил в различных областях труда, которое давало бы наибольшую пользу всему обществу и наибольшее удовлетворение каждому работнику» [Петровский, 1929, 3]. Свою задачу он видел в том, чтобы познакомить читателя с новой отраслью научной работы, призванной служить практическим интересам отдельных лиц и общества в целом, раскрыть важность выбора профессии, очертить научные основания и методы изучения личности, указать на важность условий, обеспечивающих успешность работы, приучить к осознанию ответственности за выбранную работу [Там же].

Доступно и интересно Николай Васильевич рассказал массовому читателю о разных видах профессионального труда, где у каждого – различные требования к человеку, о самовоспитании профессиональной пригодности человека ко всевозможным типам труда, о вероятности развития этих качеств. Он заметил, что определенные задатки нужны даже для успешного окончания школы, в противном случае «школы засоряются людьми, которые не в силах одолеть нужной программы, или проходят школьный курс с трудом, усваивают знания поверхностно, не обнаруживая ни интереса, ни самостоятельной работы

мысли» [Там же, 11], что приводит к тому, что в опасных и высокоточных отраслях хозяйственной деятельности трудятся «недостаточно осведомленные и ценные» работники, а те, кто может проявить истинные таланты в освоении науки и культуры, оказываются за стенами школы [Там же].

Автор описал наиболее частные мотивы выбора профессии, которые, чаще всего, случайны: давление внешних обстоятельств, указание или совет других лиц, хороший заработок, работа в семейном деле, мода на какую-то определенную профессию, знакомство с людьми, имеющими отношение к руководству производства, работа, приносящая удовлетворение честолюбию.

А вот случаи выбора профессии по призванию редки, «еще меньше случаев, когда человек, предназначая себя к работе, тем или другим способом определил свою пригодность к ней, испытал свои способности» [Там же, 15].

Оказать помощь человеку в выборе профессии может психотехник – ученый, изучающий «взаимное приспособление личности и условий труда» [Там же, 20], используя методы профессионального отбора, профессиональной консультации, профессиональной ориентации, исследование физического развития, применив специальные психотехнические испытания для изучения особых индивидуальных различий человека.

Надо сказать, что книга получила отрицательный отзыв коллеги-психотехника И.О. Макарова, отметившего целый ряд крупных недостатков, где главный – «отсутствие выдержанного марксистского взгляда на личность. Под флагом “основных индивидуальных различий” автор преподносит читателю старые свойства личности: мышление, чувства и волю и др. В книге недостаточно подчеркнута условность и искусственность проводимого автором деления основных индивидуальных различий. Книга озаглавлена “Выбор профессии и одаренность”, но об одаренности ничего не говорится. Не дано анализа главных профессий с психотехнической точки зрения и тех психофизиологических свойств, которые необходимы для той или другой профессии» [Макаров. Петровский, 1931].

Рецензент осудил публикацию образцов тестов для читателей, не знакомых с психотехникой, назвав это «крупной педагогической ошибкой автора». В целом, «хорошее намерение автора, благодаря негодным средствам, делает книгу мало полезной».

Заклучение

Отрицательный отзыв был напечатан в том же номере журнала, где правление ВОПиПП заявило об «исключении гр. Петровского из членов ВОПиПП, из членов психотехнического общества как антисоветский элемент» [Исключение гр. Петровского..., 1931] на своем заседании 16 декабря 1930 г., чуть раньше, в 1930 г. на пике развернутой кампании критики и самокритики И.Н. Шпильрейн вспоминал в своем выступлении И.Н. Дьякова и Н.В. Петровского, обвиняя их в приверженности «эмпирической, совершенно нечаевского порядка, психологии», а также в стремлении «опошлить понятие диалектики» общими рассуждениями, формально-словесными ухищрениями [Перевыборы правления..., 1930].

Дело в том, что в октябре 1930 г. Н.В. Петровский был арестован, а 3 сентября 1931 г. он был осужден по статье 58-11 как участник церковно-политического центра Всесоюзной контрреволюционной монархической организации церковников «Истинно-православная церковь» и один из инициаторов создания этой организации. Следователи утверждали, что он участвовал в нелегальных совещаниях на квартирах членов центра профессоров Д.Ф. Егорова и А.Ф. Лосева, где вырабатывалась платформа организации и обсуждалась ее практическая деятельность.

В книге о военачальнике, участнике Первой мировой войны, военном педагоге, географе и востоковеде, генерале А.Е. Снесареве, основанной, в том числе, и на его дневниковых записях, узнаем подробности этой трагической главы в жизни Петровского: 3 октября 1931 г. осужденных – «военный деятель Снесарев, профессор-философ Лосев, профессор-психолог Петровский, архиепископ, ректор Московской духовной академии Поздеевский, священник Воробьев и еще двое служителей церкви, столяр Матюхин, да еще крестьянские пареньки, им едва исполнилось семнадцать, молчаливые и отрешенные» [Будаков, 2014, 444] – после пятисуточного переезда из Москвы высадили на станции Свирь.

Об этом же пишет А.А. Тахо-Годи: 28 сентября 1931 г. вместе с профессорами Военной академии, священниками, интеллигенцией, Лосев и Петровский были этапированы в Кемь, 3 октября «со станции Свирь этап шел пешком 40 верст (Лосев вместе с Н.В. Петровским... на общие работы в лесной лагерь)» [Тахо-Годи, 2007, 168].

Осенью 1932 г. Алексей Федорович Лосев, уже находясь на поселении в Арнольдском поселке, писал родителям жены: «Интересно, как Петровский Николай Василевич... Что слышно...? Петровскому ведь тоже было 10 лет. Освобожден он или нет? Загадочное дело какое-то» [Троицкий, 2007, 160].

О невыносимых трудностях жизни в Свирьлаге А.Е. Снесарев писал: «мы живем кучной семьей, лик наш потерялся или, точнее, потонул в море трудовых и политических интересов, пища наша общая, питают нас по мере зарабатываемого... мы голодны... мы страшно все тоскуем по семьям» [Будаков, 2014, 447].

Культурным и образованным людям было невыносимо примириться с выполняемой работой, где «вся сущность труда в этих вяло волочащихся ногах» [Там же, 457], да и не труд вовсе, а «сложная, бессистемная, судорожная возня... Она, конечно, чистая тупта, так как является нездоровым, глубоко бесхозяйственным измышлением услонских честолюбцев» [Там же].

Больше о Н.В. Петровском ничего узнать пока не удалось. Когда и где умер? Вышел ли из лагеря?

Библиография

1. Будаков В. Генерал Снесарев на полях войны и мира. М.: Вече, 2014. 512 с.
2. Гинзбург Л. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб.: Искусство-СПБ, 2002. 768 с.
3. Дьяков И.Н., Петровский Н.В. Психотехника в коммунальном деле и местном транспорте. Психотехнические испытания шоферов, вагоновожатых, контролеров, кондукторов и учеников школ местного транспорта. М.: Мосрекламсправиздат, 1928. 112 с.
4. Дьяков И.Н., Петровский Н.В., Рудик П.А. Психология шахматной игры на основе психотехнических испытаний участников Международного шахматного турнира в Москве в 1925 г. М.: Издание авторов, 1926. 159 с.
5. Исключение гр. Петровского из членов ВОПиПП // Психотехника и психофизиология труда. 1931. № 1. С. 67.

6. Кольцова В.А. История психологии. Проблемы методологии. М.: Институт психологии РАН, 2008. 512 с.
7. Мазилев В.А. Теория и метод в психологии: Период становления психологии как самостоятельной науки. Ярославль: МАПН, 1998. 359 с.
8. Макаров И.О. Петровский Н.В. Выбор профессии и одаренность. Популярный очерк с приложением примерных тестов // Психотехника и психофизиология труда. 1931. № 1. С. 96.
9. Первый Всероссийский съезд по психоневрологии. Реферат докладов // Журнал психологии, неврологии и психиатрии. 1923. № (3). С. 246-319.
10. Перевыборы правления Всероссийского психотехнического общества // Психотехника и психофизиология труда. 1930. № 2-3. С. 252.
11. Петровский Н.В. Выбор профессии и одаренность // Популярный очерк с приложением примерных тестов. М.: Московский рабочий, 1929. 88 с.
12. Петровский Н.В. К вопросу об исследовании моторной одаренности // Рабочий подросток и выбор профессии. М.: Московский рабочий, 1928. С. 137-158.
13. Петровский Н.В. Лапшин И. О перевоплощаемости в художественном творчестве. Вопросы теории и психологии творчества // Психологическое обозрение. 1918. Вып. 1. № 3-4. С. 607-611.
14. Петровский Н.В. Опыт исследования умственной одаренности взрослых в Америке. М.: Т-во «А.В. Думнов и К», 1925. 53 с.
15. Петровский Н.В. Thod. Lipps. Zur Einfühlung. Psychologische Untersuchungen, В. II, Н. 2, и. 3 // Психологическое обозрение. 1918. Вып. 1. № 3-4. С. 585-594.
16. Рубцов В.В., Червяков А.Д. (ред.) Психологический институт на Моховой. М.: ПИРАО, 1994. 92 с.
17. Стоюхина Н.Ю. Александр Петрович Нечаев как психотехник // Психолого-педагогический поиск. 2015. № 2 (34). С. 118-128.
18. Стоюхина Н.Ю. Выдающиеся психологи и педагоги в Нижегородском университете (1918-1921 гг.). Нижний Новгород: Издательство Нижегородского университета, 2013. 307 с.
19. Стоюхина Н.Ю. Николай Васильевич Петровский. Биографический очерк // Психологическая диагностика. 2010. № 1. С. 63-83.

20. Стоюхина Н.Ю. Психолог И.Н. Дьяков – ученик профессора Г.И. Челпанова: один из многих // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2013. № 5-6. С. 72-96.
21. Стоюхина Н.Ю. Психотехнические исследования 1920-1930-х гг. по предотвращению аварий на транспорте // Психолог. 2015. № 1. С. 66-93.
22. Стоюхина Н.Ю. Становление гуманитарного образования в Нижегородском университете: 1919-1921 // Вестник ННГУ. 2009. № 3. С. 294-301.
23. Стоюхина Н.Ю., Мазилев В.А. Забытый съезд: Первый Всероссийский съезд по психоневрологии // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 4. С. 251-260.
24. Стоюхина Н.Ю., Мазилев В.А. Неизвестные съезды: Второй психоневрологический // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 1. С. 277-288.
25. Тахо-Годи А.А. Лосев. М.: Молодая гвардия, 2007. 534 с.
26. Троицкий В. Разыскания о жизни и творчестве А.Ф. Лосева. М.: Аграф, 2007. 448 с.
27. Шляпенштох В. Умолчание как индикатор авторитаризма // Новая газета. URL: <http://www.novayagazeta.ru/society/33927.html> (дата обращения 27.09.2007).
28. Шпильрейн И.Н. По учреждениям и организациям // Психотехника и психофизиология труда. 1930. № 2-3. С. 310.
29. Эфрусси П.О. Успехи психологии в России. Итоги съезда по психоневрологии в Москве 10-15 января 1923 г. Петроград, 1923. 37 с.

Psychotechnician N.V. Petrovsky: rediscovering

Natal'ya Yu. Stoyukhina

PhD in Psychology, Associate Professor,
Department of psychology of management,
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
603000, 23 Gagarina avenue, Nizhny Novgorod, Russian Federation;
e-mail: natast0@rambler.ru

Abstract

This work presents the historical and biographical research of disciple of the Moscow School of G.I. Chelpanov – the psychotechnician of the 1920-1930s N.V. Petrovsky. He was born in the family of a priest in the Ryazan province. After graduating from a theological seminary, he entered the Department of history and philology of Moscow University and graduated from this university in 1915. Like his teacher, he mastered brilliantly the experiment, so his works on professional selection known in 1920-1930s are still read with great interest. The author briefly outlines the main directions in his activities and periods of his work: research on the psychology of perception at Moscow University under the direction of Chelpanov, pedagogical activity in Nizhny Novgorod University (together with his classmates A.F. Losev and P.S. Popov), psychotechnical work in the laboratory of Moscow Communal Service where he made a great contribution to the development of professional selection issues. N.V. Petrovsky was arrested in the autumn of 1930 and convicted under Article 58-11 as a member of the church and political center of counter-revolutionary monarchist organization of churchmen "True Orthodox Church" and one of the founders of organization. It is not known whether N.V. Petrovsky left the camp (Svirlag), where and when his life ended.

For citation

Stoyukhina N.Yu. (2015) Psikhotekhnik N.V. Petrovskii: otkryvaya заново [Psychotechnician N.V. Petrovsky: rediscovering]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 6, pp. 86-111.

Keywords

Psychology, psychotechnics, psychological laboratory attached to Moscow Communal Service, vocational selection, fight against road accidents.

References

1. Budakov V. (2014) *General Snesev na polyakh voyny i mira* [General Snesev in the fields of war and peace]. Moscow: Veche Publ.

2. D'yakov I.N., Petrovskii N.V. (1928) *Psikhotekhnika v kommunal'nom dele i mestnom transporte. Psikhotekhnicheskie ispytaniya shoferov, vagonovozhatykh, kontrolerov, konduktorov i uchenikov shkol mestnogo transporta* [Psychotechnics in the utility business and local transport. Psychotechnical test drivers, motormen, supervisors, conductors and pupils of local transport schools]. Moscow: Mosreklamspravizdat Publ.
3. D'yakov I.N., Petrovskii N.V., Rudik P.A. (1926) *Psikhologiya shakhmatnoi igry na osnove psikhotekhnicheskikh ispytanii uchastnikov Mezhdunarodnogo shakhmatnogo turnira v Moskve v 1925 g* [Psychology of the chess game based on the psycho-testing of the International Chess Tournament in Moscow in 1925]. Moscow: Izdanie avtorov Publ.
4. Efrussi P.O. (1923) *Uspekhi psikhologii v Rossii. Itogi s"ezda po psikhonevrologii v Moskve 10-15 yanvarya 1923 g.* [Successes of psychology in Russia. The results of psychoneurology congress in Moscow, 10-15 January 1923]. Petrograd.
5. Ginzburg L. (2002) *Zapisnye knizhki. Vospominaniya. Esse* [Notes. Memories. Essay]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB Publ.
6. Isklyuchenie gr. Petrovskogo iz chlenov VOPIPP [Petrovsky expulsion from the VOPIPP members] (1931). *Psikhotekhnika i psikhofiziologiya truda* [Psychotechnics and psychophysiology of work], 1, p. 67.
7. Kol'tsova V.A. (2008) *Istoriya psikhologii. Problemy metodologii* [History of psychology. Problems of methodology]. Moscow: Institut psikhologii RAN Publ.
8. Makarov I.O., Petrovskii N.V. (1931) *Vybor professii i odarennost'. Populyarnyi ocherk s prilozheniem primernykh testov* [The choice of profession and talent. A popular outline with sample tests]. *Psikhotekhnika i psikhofiziologiya truda* [Psychotechnics and psychophysiology of work], 1, p. 96.
9. Mazilov V.A. (1998) *Teoriya i metod v psikhologii: period stanovleniya psikhologii kak samostoyatel'noi nauki* [Theory and method in psychology: the period of formation of psychology as an independent science]. Yaroslavl: MAPN Publ.
10. Perevybory pravleniya Vserossiiskogo psikhotekhnicheskogo obshchestva [Re-election of the board of the All-Russian Society] (1930). *Psikhotekhnika i psik-*

- hofziologiya truda* [Psychotechnics psychotechnical and psychophysiology of work], 2-3, p. 252.
11. Pervyi Vserossiiskii s"ezd po psikhonevrologii. Referat dokladov [The First All-Russian Congress of Psychoneurology. A summary of reports] (1923). *Zhurnal psikhologii, nevrologii i psikhiiatrii* [Journal of psychology, neurology and psychiatry], 3, pp. 246-319.
  12. Petrovskii N.V. (1928) *K voprosu ob issledovanii motornoi odarennosti. Rabochii podrostok i vybor professii* [On the research into motor skills. Working teenagers and choice of profession]. Moscow: Moskovskii rabochii Publ.
  13. Petrovskii N.V. (1918) *Lapshin I. O perevoploshchaemosti v khudozhestvennom tvorchestve. Voprosy teorii i psikhologii tvorchestva* [On overfulfilment in art. Issues of theory and psychology of creativity]. *Psikhologicheskoe obozrenie* [Psychological review], 1 (3-4), pp. 607-611.
  14. Petrovskii N.V. (1925) *Opyt issledovaniya umstvennoi odarennosti vzroslykh v Amerike* [Previous studies of adult mental endowments in America]. Moscow: A.V. Dumnov&K.
  15. Petrovskii N.V. (1918) Thod. Lipps. Zur Einfühlung. Psychologische Untersuchungen. *Psikhologicheskoe obozrenie* [Psychological review], 1 (3-4), pp. 585-594.
  16. Petrovskii N.V. (1929) *Vybor professii i odarennost'. Populyarnyi ocherk s prilozheniem primernykh testov* [The choice of profession and talent. A popular outline with exemplary tests]. Moscow: Moskovskii rabochii Publ.
  17. Rubtsov V.V., Chervyakov A.D. (1994) *Psikhologicheskii institut na Mokhovoi* [Psychological Institute in Mokhovaya.]. Moscow: PIRAO Publ.
  18. Shlyapenshtokh V. (2007) Umolchanie kak indikator avtoritarizma [Default as an indicator of authoritarianism]. *Novaya gazeta* [New newspaper]. Available at: <http://www.novayagazeta.ru/society/33927.html> [Accessed 27/09/07].
  19. Shpil'rein I.N. (1930) *Po uchrezhdeniyam i organizatsiyam* [Institutions and organizations]. *Psikhotekhnika i psikhofziologiya truda* [Psychotechnics and psychophysiology of work], 2-3, p. 310.
  20. Stoyukhina N.Yu. (2015) Aleksandr Petrovich Nechaev kak psikhotekhnik [Aleksandr Petrovich Nechaev as a psychotechnician]. *Psikhologo-pedagogicheskii poisk* [Psycho-pedagogical search], 2 (34), pp. 118-128.

21. Stoyukhina N.Yu. (2010) Nikolai Vasil'evich Petrovskii. Biograficheskii ocherk [Nikolai Petrovsky. An outline of the biography]. *Psikhologicheskaya diagnostika* [Psychological diagnostics], 1, pp. 63-83.
22. Stoyukhina N.Yu. (2013) Psikholog I.N. D'yakov – uchenik professora G.I. Chelpanova: odin iz mnogikh [Psychologist I.N. Dyakov – a disciple of professor G.I. Chelpanov: one of the many]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennyye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 5-6, pp. 72-96.
23. Stoyukhina N.Yu. (2015) Psikhotekhnicheskie issledovaniya 1920-1930 gg. po predotvrashcheniyu avarii na transporte [Psychotechnical study of 1920-1930 aimed at preventing transport accidents]. *Psikholog* [Psychologist], 1, pp. 66-93.
24. Stoyukhina N.Yu. (2009) *Stanovlenie gumanitarnogo obrazovaniya v Nizhegorodskom universitete: 1919-1921* [Formation of arts education in the University of Nizhny Novgorod: 1919-1921]. *Vestnik NNGU* [Bulletin of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod], 3, pp. 294-301.
25. Stoyukhina N.Yu. (2013) *Vydayushchiesya psikhologi i pedagogi v Nizhegorodskom universitete (1918-1921 gg.)* [Prominent psychologists and educators in the University of Nizhny Novgorod (1918-1921)]. Nizhny Novgorod: Izdatel'stvo Nizhegorodskogo universiteta.
26. Stoyukhina N.Yu., Mazilov V.A. (2014) Neizvestnye s"ezdy: Vtoroi psikhonevrologicheskii [Unknown congresses: the Second Psychoneurological Congress]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik* [Yaroslavl pedagogical bulletin], 1, pp. 277-288.
27. Stoyukhina N.Yu., Mazilov V.A. (2013) Zabytyi s"ezd: Pervyi Vserossiiskii s"ezd po psikhonevrologii [A forgotten congress: the First All-Russian Congress of Psychoneurology]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik* [Yaroslavl pedagogical bulletin], 4, pp. 251-260.
28. Takho-Godi A.A. (2007) *Losev* [Losev]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ.
29. Troitskii V. (2007) *Razyskaniya o zhizni i tvorchestve A.F. Loseva* [Researches on the life and work of A.F. Losev]. Moscow: Agraf Publ.